

□ СУДЬБЫ

Дорогу осилит идущий

Помните снимок на первой полосе нашей газеты этим летом в канун 22 июня? Скорбной дате посвящен был номер - 70-летию начала Великой Отечественной войны. Казалось, очевидцев событий, переживших миллионы судеб, уже не найти.

А он откликнулся, хоть давно живет в Ордынке. Более того, сам взял в руки свежий номер в день его выхода, испытал непростые чувства. Ирония судьбы вновь привела Дмитрия Павловича Тупкалова в родные места, заставив волноваться и вспоминать.

Попросил дочь, Галину Дмитриевну Луневу, к которой приехал погостить, позвонить в редакцию. Мол, живой я, приходите, готов рассказывать. Вот он - напротив, мудрый и спокойный человек, невероятно позитивный, с молодым взглядом, не желающим потухать от груза прожитых лет.

На том фото он второй справа в среднем ряду - строгий, будто военный, хоть гимнастерку надевай. Фронт и впрямь вскоре выдал ему оружие. Только мы ошиблись: первый выпуск 10 класса случился не в 1941, а в 40-ом году. Выпускники Кочковской средней школы воевали и многие погибли.

Дмитрий Тупкалов смерти избежал. «За всю войну меня даже не ранило». На волоске от гибели был дважды. Посмеивается: «Так ведь всех не убивают, я в их числе».

Живое лицо собеседника постоянно освещается доброй улыбкой. Он весь в прошлом и настоящем, ведь будущее в преклонном возрасте весьма туманно. Его поколение жило по законам совести, знало слово «надо» и испытывало чувство неловкости за безразличные по тем временам поступки. Так вот, Тупкалову стыдиться не приходилось, если только по совсем пустяковым поводам.

Он, счастливец по жизни, часто думает, за что судьба гладила его по голове и хранила? Может, дело в поразительной интуиции, а может в невероятном везении. Он точно знает, что добро и богатство совершенно для счастья не главное. Чего-то хочешь - и добился сам, вот что лучше всего для гармонии и спокойствия души.

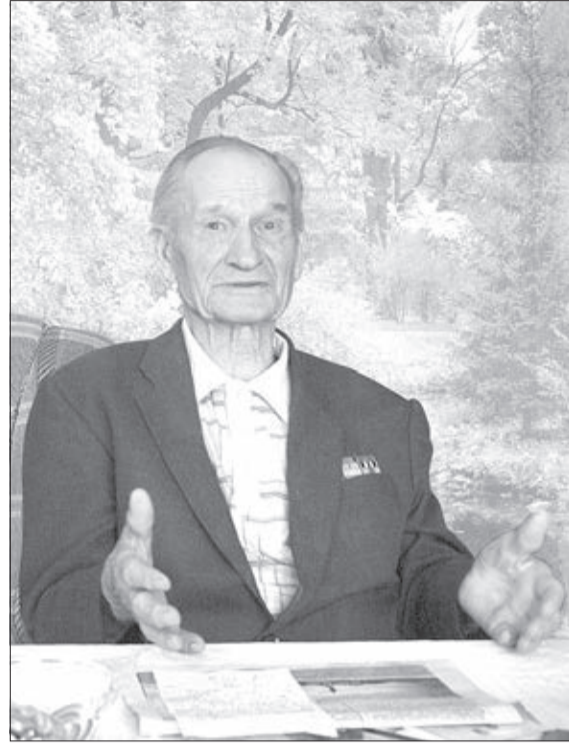
Становление семьи Тупкаловых пришлось на лихие годы. Шла гражданская война. Отец, Павел Иванович, был пастухом. Екатерина Макаровна непрерывно хлопотала по хозяйству. Жуланка, как и все деревни, не успевала прятать нажитое, антикрестьянская политика власти допекла, а тут еще мятежники без спросу врывались на подворье, выгребая все подчистую. В этом бесчинстве легко было и жизни лишиться.

- Родители хлеб убирали, когда шум услышали. Это остатки белочехов драпали в сторону железной дороги. Мать схватила меня, кроху совсем, и в погреб. Отец спрятаться не успел, офицер к нему: «Ты что не побегал?». «Раненый я, только с позиций». Полоснул глазами неприятель: «Ладно, живи, не тронем». А в доме и взять было нечего.

Понеслась жизнь незавидная, полная лишений. Колхоз требовал трудовых рук. Мите было чуть больше десяти, когда заработал первые трудовые. Весь день встал с матерью снопы, перевяла жесткие, колючие, таская снопы в суслоны, нажег мальчонка руки до крови. Потом от осота поля

Здесь Дмитрию Павловичу тридцать пять, а здесь - девяносто. Но бойцовский характер налицо.

полол. И эту боль ох как запомнил. Не тогда ли запало в детскую душу твердое решение любыми путями выбраться из этой бесконечной и неблагоприятной работы, не освобождающей от нищеты, как бы ни упирался.

Смышленный пацан засел за учебу. Лелеял мечту стать учителем. А еще... гармошка пленила сердце. На братовой тальянке брал первые аккорды. «Женихаться начал - уже подгорную играл». Долго своего инструмента не имел. И когда в Будапеште увидел на брошенной повозке сверкающий кнопками аккордеон, с легким сердцем забрал трофей.

- Вальс «Дунайские волны» подбирал по слуху. Зато везжали мы в освобожденные города как полагаются - при полном параде и с музыкой. Этот аккордеон до сих пор со мной.

Мечта освоить гармошку осуществилась. А как же учительство? Жадный до наук мальчонка много читал, в школе был в числе лучших. На его счастье в Кочковской средней школе ввели среднее образование.

Крестьянский сын встал перед родителями: «Отпустите!». Где брали они, работающие за трудовые, три рубля ежемесячно, Дмитрий до сих пор не знает. Только за съемный угол платили регулярно. Спал он на соломенном тюфяке, уроки выполнял при «коптушке».

На дворе конец тридцатых. Страна, выпотрошенная непомерными налогами, обескровленная гражданской войной, голодает. А молодежь, ведомая новыми перспективами, страстно стремится к знаниям. Рождается поколение целеустремленных советских граждан, обещающих «сказку сделать былью».

«Как Лев Толстой» с котомкой за плечами, в которой лежат купленные отцом брюки в полоску, шел Дмитрий Павлович, новоиспеченный учитель, из Республиканского, где жили родители, в Ермаки. Преподавать физику и математику. Еще в 10 классе Дмитрий Емельянович Пикалов отметил склонность юноши к точным наукам и уговорил пойти в отдаленную школу.

То что он был учителем, впо-

Он точно знает, что добро и богатство совершенно для счастья не главное. Чего-то хочешь - и добился сам, вот что лучше всего для гармонии и спокойствия души.

ледствие дважды ему зачтется. Когда на фронте утверждали замполитом. «Контрразведка изучала всю мою подноготную, а я с десятью классами, есть опыт работы с людьми, комсомолец». Выручил документ из школы и при демобилизации. В первую очередь, отправив по домам «стариков», командование держало специалистов «на всякий случай». Но стране требовались учителя и Тупкалова по приказу Верховного отпустили.

Насладиться учительством в 1940 году Дмитрию так и не пришлось. Через полтора месяца, прямо с уроков, отправился новобранец на действительную службу. Владивосток. Пехота. Стрелковый полк, потом танковая дивизия. Вновь постигал Тупкалов науку, резервистам условно пригодную. Но в воздухе уже витала тревога под названием фашизм.

- Остро помню день начала войны. Что произошло на Западе весьма смутно. Нам приказано закопаться в землю. Сидим в окопах, сторожим Японию, стараясь не провоцировать. Но нападения в этот раз не случилось. Потом был секретный путь через всю страну «без права переписки». Чего только не передумали неопытные воины, маясь в эшелонах, но того, что на них вскоре обрушилось, даже в страшном сне не увидишь.

- Бросили нас под Москву. Пулеметчик зенитного взвода я охранял автобат. Бомбежка - пустой звук в сравнении с психической атакой. Фашисты бросали с самолетов просверленные бочки, которые выли хуже, чем бомбы, создавая панику среди неокрепших солдат. Немецкие танки стреляли болванками - снарядами без начинки. И ведь пробивали нашу броню! Неприятель активно использовал термитные снаряды, сжигающие все вокруг. Вооружен фашист был хорошо. Казалось, такого не победить. Было страшно.

- Что помогало справиться с паническими настроениями?

- Сила коллектива, поддержка старших. Командиры «включали

идеологию», советский солдат должен встречать трудности только с поднятой головой. Не сдаваться - только вперед и нельзя назад. Это действовало.

Побывал в передерягах, посмеивается теперь бывший солдат, прошагавший полмира. Рассказывает страшное, а глаза лгутся. Дмитрий Павлович всегда такой, неисправимый оптимист, он спокойно воспринимает тяготы, зная, все равно наступит лучшее время. И потому еще несколько раз побеждал в схватке со смертью. Шли на Волоколамск колонной. Прорвались танки и начался форменный расстрел.

- Все рвется таким невообразимым фейерверком! Я в машине с боеприпасами, считай, на бочке с порохом. По команде «С машины!» успел слететь в кювет, в это время фашист дал очередь, грузовик разнесло. То бы меня не было.

От автобата остался авторота. Горстка советских солдат тягело пробиралась к своим в полуокружении. В городе Клин вновь сформировалась мотострелковая дивизия, которая в декабре 42-го брошена на Сталинград.

- Нас пустили в коридор отеснить танки Манштейна. Румыны тащили свои пушки на быках. На вражеской стороне проматривались итальянцы. Но у всех уже чувствовалась усталость, обломали они зубы о неприступную Русь. Короткая передышка в Ростове-на-Дону. Ночевали в хатенке. Удалось помыться, привести себя в порядок. Парнишка из Москвы перед зеркалом покрасовался: «Вот хорош я! Просто люблюсь собой!». Над ним необидно посмеялись. Что-то толкнуло Дмитрия выйти из хаты. Услышал гул самолета, поднял голову, в небе пара приближающихся комочков. Бомбы! Упал на землю, успев прошептать: «Прощай, мать!».

Домик зашатался и обрушился. «Меня оглушило. Месяц отходил от контузии. Но способен был спасать ребят. Москвичу матией расплющило голову. Почти все погибли. Что меня заставило выйти? Звериное чутье. Не

каждому дано предвидеть, а мне видно, дано...».

В немеркнувшей памяти ветерана жив символический эпизод. На освобожденной территории разговорился с улыбочивым хозяином особняка.

- Я с ним по-немецки, а он на русском отвечает. Оказалось, чехословак. Был в плену в Новониколаевске после подавления чешского мятежа. Не удалось союзнической армии разгуляться в нашей стране, легионеров разоружили. Не он ли пощадил нашу семью?

Пожилой чех только зубы скалил: «Были в вашем районе, были». По прошествии времени братья-славяне не нашли в себе ненависти.

В декабре 1945-го сошел с эшелона на станции Каргат старший сержант Тупкалов с аккордеоном в футляре. Боевой орден Красной Звезды, орден Отечественной войны, медали «За отвагу», за взятие освобожденных городов впечатлили кочковских милиционеров, взявших Дмитрия в свою повозку. За два дня общения земляк и вовсе расположил их к себе, да так, что уговорили его пойти в милицию на секретное дело-производство.

- Изменил я мечте, да прости меня Дмитрий Емельянович, с надеждой ожидавший меня с фронта. Других ребят я потом учил и совсем другим наукам. И сам всегда учился. Пошел потом по финансовой части. На пенсию ушел инспектором-ревизором из Ордынского райисполкома. Ведь после расформирования Кочковского района жена, Татьяна Федоровна, увезла меня в Ордынку. А душа всегда на родину рвется.

В житейском активе долгожителя четверо детей, восемь внуков и девять правнуков. И еще одна победа, теперь уже над собой. В начале этого года свалил Дмитрия Павловича инсульт. Все, подумал он, это конец, отгулялся, пришел мой час. Но друзья по Дому ветерана, где живут они дружной семьей и где часто звучал его аккордеон, заживаться не дали. Ободрили, поддержали, полагаясь на бойцовский дух товарища. Внял их советам, начал карабатиться: процедуры, зарядка, великое желание жить. Поднялся: «Я им нужен, важен семье». Только аккордеон уже не распаковывает.

Чем живет сегодня ветеран, фактически уже разменявший десятый десяток? Это по паспорту ему 90 исполнится 29 сентября. На самом деле будет 91. В глазах огонек и сила, заставляющая уважать.

Энергичный, улыбочивый, не курящий, не злоупотребляющий алкоголем, свой секрет долголетия Дмитрий Тупкалов объясняет обыденно: «Я никогда не унываю. И уважаю людей». Читает без очков, смотрит телевизор, общается с родными. Ждет скоро от государства двухкомнатную квартиру. Это плата за риск, великий фронтовой труд.

В 60-х годах отдал Дмитрий Павлович в Кочковский историко-краеведческий музей фотографию своих одноклассников, подписал, чтобы помнили каждого. Он нам рассказывал о товарище военнике Мизоне, спортсменом Васе Криволапове, Петре Ломове, как они спорили и мечтали, закладывая нашу будущность.

Г. ПРОСКУРНИКОВА